

Сражение в карельских лесах

Воспоминания о войне ветерану Пединститута ПГУ Вячеславу Васильевичу ГОРОДНИЧЕМУ, как и всем тем, кто прошел горнило сражений, даются с болью в сердце

День Победы

Накануне священного праздника — Дня Победы — представители Пензенского государственного университета поздравили своих ветеранов.

На фронтах Великой Отечественной войны воевало 420 преподавателей, сотрудников и студентов Пензенского государственного университета. Многие трудились в тылу.

В течение нескольких дней директор Центра культуры Наталья Тупарева совместно с председателем профкома студентов Виталием Лукиным, активистами Советов студенческого самоуправления, членами студенческих отрядов «Кристалл», «Рекорд», «Гранат», волонтерского штаба ПГУ поздравляли ветеранов с праздником, выражая огромную признательность и уважение от имени ректора и всего университета. По словам самих студентов, поздравить лично ветеранов войны — это особая честь.

— В течение двух месяцев мы оказывали волонтерскую помощь ветеранам в рамках акции «Мы вместе!», и вот теперь нам выпала честь поздравить их с главным для всей страны праздником, — поделился председателем профбюро ФПИТЭ Тимофей Ларин. — В связи с эпидемиологической обстановкой отменился ежегодный концерт, посвященный 9 Мая, но мы показывали им творческие номера на ноутбуке, дарили подарки (конечно, при соблюдении всех норм безопасности с использованием масок и перчаток). Я горжусь, что, несмотря на сложившуюся ситуацию, мы не забываем о старшем поколении и об их подвиге. Чтим и помним, помогаем и поддерживаем в такое непростое время!

По поручению А. Д. Гулякова в дополнение к федеральным выплатам университет также установил фронтовикам и труженикам тыла денежные премии в размере 15 тысяч и 10 тысяч соответственно.

Одним из ветеранов, кого посетили волонтеры, стал Вячеслав Васильевич Городничий, долгое время работавший в Педагогическом институте ПГУ доцентом кафедры алгебры.

В июле ветерану исполнится 95 лет. Он полон оптимизма, с удовольствием общается со студентами. Воспоминания о войне Вячеславу Васильевичу, как и всем тем, кто прошел горнило сражений, даются с болью в сердце. А вслед за ним эта боль находит отклик в каждом из нас.

— Хочу рассказать об одном боевом сражении, участником которого я был. Событие это для меня очень важное, так как вероятность остаться живым для меня была меньше одной десятой. Я, как математик, всегда стремлюсь выразить свою мысль с помощью точных образов. Итак, начнем повествование.

Было это летом 1944 года. Наносился четвертый Сталинский удар. Наша 100-я гвардейская дивизия формировалась на реке Освирь в районе г. Лодейное Поле и двигалась на запад, огибая северное побережье Ладожского озера, то есть по территории Карелии. Боевой прием, который наши войска применяли, коротко можно охарактеризовать как выдавливание противника. Сплошные леса и болота, а также каменистые горки. Все, все заминировано. Танки помощь оказать практически не могли. Главная надежда была на пехоту, авиацию и артиллерию. Наша дивизия была укомплектована 19-20-летними парнями. Сформирована была на базе 2 воздушно-десантных бригад, и было в ней два полка: 301-й и 304-й.

В армию я был призван в январе 1943 года, в 17 лет. Попал в Тамбовское пулеметное училище. Мы сразу поняли, что офицеров из нас делать не собираются, так как кормили до безобразия плохо и настоящей, боевой учебой не занимались: больше работали на заготовке дров. Летом 1943 года я попал в 9-ю гвардейскую воздушно-десантную бригаду рядовым бойцом с расположением в городе Звенигороде, недалеко от Москвы. Целую зиму мы занимались полевыми учениями, а летом 1944 года нас послали на Карельский фронт. До этого мы находились в резерве Главного командования. Дивизия считалась элитной, так как прошла длительную подготовку и была полностью укомплектована. И вот я, боец 3-го батальона 304-го полка 100-й дивизии, нахожусь на фронте.

До того времени, с которого я хочу начать свое подробное повествование, я уже побывал под обстрелами, форсировал реку, доводилось и в плен брать финского егеря, то есть был уже вполне закаленный боем солдат, перестал бояться лишнего. За 30 дней непрерывных боев из 7000 человек нашего 3-го батальона в живых осталось около сотни. Командир батальона Исаак Рогинский по-прежнему был в строю. Человек он был жесткий, пун-

ктуальный. Мы не очень его любили, но вполне доверяли как честному командиру. Он был старше нас лет на 8–10. Считал себя закоренелым десантником и в нас воспитывал тот же дух. В трусости упрекнуть его было нельзя, но иногда его посещала растерянность в неожиданных сложных ситуациях. Все это имеет отношение к той ситуации, в которой однажды мы оказались и о которой я хочу рассказать.

Бои шли на подступах к городу Питкананта. Еще в первую Финскую кампанию 1939–1940 гг. был заброшен в этот район отряд наших бойцов. Задача отряда состояла в том, чтобы дезорганизовать тыл противника. Особого успеха это мероприятие не имело. Но сам по себе такой факт был. И вот вновь в 1944 году на то же место с той же целью направили остатки 3-го батальона во главе с Рогинским. Шли мы окольными путями. Часов в пять комбат приказал развернуть рацию и доложить о прибытии на место. Оказалось, что это невозможно, так как нет источника питания. Кто в этом виноват — судить трудно. Надо было принимать решение, и нам приказали занять круговую оборону. Мы взяли под контроль широкую шоссеную дорогу. Захватили обоз, шедший к передовой, и забросали гранатами артиллерийскую батарею. Однако наша главная задача состояла в том, чтобы контролировать это важное шоссе. Поэтому мы и стали окапываться, держа под прицелом большой участок дороги. Копать было трудно — мешали корни деревьев. При этом я наткнулся на остатки амуниции, уже изрядно истлевшей, и чехол от боевой гранаты. Сомнений не было: здесь в 1939 году держал оборону какой-то советский солдат. Свой окоп я замаскировал гнилушками, кустами. Все это себя оправдало. Часа три финны нас не беспокоили, а потом обложили со всех сторон и стали медленно подползать. А со мной произошло вот что. Я увидел, что в бруствер моего окопа с тыльной стороны, то есть сзади, кто-то выпустил короткую очередь. Пули прошли вблизи от моей головы. Я понял, что нахожусь под прицелом и меня обязательно должны сразить следующей очередью. Я опустил на дно окопа. Мой расчет был прост: пусть думают, что я уже убит. Не помню, сколько минут я так лежал, но когда поднял голову над окопом вновь, то обомлел: прямо на меня метрах в десяти ползли финны, а один лежал почти вблизи, то есть в 4–5 метрах, и стрелял в ту сторону, где виднелся рыжий песок и располагалось наше командование. Вот тут и сработала моя маскировка. Сердце бешено колотилось. Стал сам себя убеждать, что только хладнокровие и четкость действий могут спасти меня. Вооружен я был карабином. Стал стрелять по головам врагов методично редко. Вначале я убрал, конечно, гою, который был совсем рядом. Через некоторое время я почувствовал огромное облегчение, увидев, что на меня уже никто не ползет. Надо отметить, что еще до того, как финны перешли к решительным действиям, происходила громкая словесная перебранка. Наши солдаты крыли их матерщиной, а финны галдели что-то по-своему. Отмечу, что многие из них хорошо владели русской речью. В частности, мне запомнились такие слова: «Эй, вшивые гвардейцы, выходи строиться на дорогу». Их гвалт подавил наши не очень дружные голоса. Не могу не отметить последние слова, которые были сказаны с нашей стороны. Они принадлежат Рогинскому: «Вот узе наши придут, и мы вам всем покажем». Рогинский был еврей, а еврей слово «уже» говорят как «узе».

Была белая ночь, такая обычно бывает летом в этих широтах. Бой длился уже часа три. Наши боеприпасы кончались. У меня, например, оставалось штук 20 патронов для карабина. На помощь своих мы уже не надеялись, так как связи у нас с полком не было. Кстати, никаких команд нам никто не отдавал. Каждый действовал так, как считал нужным. Наша оборона состояла из отдельных не соединенных между собой траншей, ячеек. Я чувствовал себя удовлетворительно, так как в моем секторе обстрела никаких движений противника не наблюдалось. Каждый понял, что надо как-то прорываться. Этого хотелось и мне. Поэтому, когда мимо меня побежал один из наших солдат, я подхватил свой карабин и рванулся вперед. Хотелось побыстрее уйти с этого места. Меня сразу обожгло в грудь и в ногу. К счастью, ранения были не опасны. Я мог вполне неплохо бежать дальше в лес. Таким образом я вырвался из окружения и оказался в лесу один. Через двое суток я вышел в расположение наших войск. Потом был госпиталь.

После госпиталя был направлен в свою прежнюю часть, в тот же полк, в тот же батальон. Встретил своих знакомых однополчан. Человек 10 из них были вместе с Рогинским в том бою, который я описал. Все мы вспомнили, все проанализировали. Рогинский был убит. В этом бою остался цел только каждый десятый боец. Полагаю, что жизни погибших были отданы даром. Будь у нас связь, многих потерь удалось бы избежать.

Воспоминания ветерана из книги «Во имя Победы: Воспоминания, статьи и очерки». — Пенза: ПГУ, 2010.